

УДК 821
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-37-43

ОБРАЩЕНИЕ К МИФОПОЭТИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ ШУРАЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ

Р. Х. Шарьяфетдинов

Аннотация. Статья посвящена исследованию отображения в татарской литературе хронотопа образа Леса и мифологических образов, связанных с его магическим пространством. В данном контексте автором на широком художественном материале рассматривается персонификация духа леса (Шурале) и его функционирование в татарском фольклоре, литературе XX в. и современной культуре. В сравнительно-сопоставительном аспекте определяется в художественном творчестве многих авторов обращение к фольклорному образу Шурале: в поэме Г. Тукая (1907) как наиболее значимой обработки мифологического образа в татарской литературе, а также в современной татарской прозе на татарском (З. Хуснияр, В. Имамов, Р. Зайдулла) и на русском языке (Ш. Идиатуллин, Г. Яхина).

Ключевые слова: татарская литература, образ, мифология, Шурале, мифопоэтика, современная татарская проза.

APPEAL TO THE MYTHOPOETIC IMAGE OF SHURALE IN MODERN TATAR PROSE

R. Kh. Sharyafetdinov

Abstract. The article is devoted to the study of the representation in the Tatar literature of the chronotope of the image of the Forest and mythological images associated with its magical space. In this context, the author considers the personification of the spirit of the forest (Shurale) and its functioning in the Tatar folklore, literature of the XX century and modern culture using a wide literary material. The appeal to the folklore image of the Shurale spirit is determined in the comparative aspect in the work of many authors: in the poem of G. V. Tukay (1907) as the most significant treatment of the mythological image in Tatar literature, as well as in the modern Tatar prose in Tatar (Z. Husner, V. Imams, R. Saidulla) and in Russian (Sh. Idiatullin, G. Yakhina).

© Шарьяфетдинов Р. Х., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *Tatar literature, image, mythology, Shurale, mythopoetics, modern Tatar prose.*

В мифологическом сознании пространство Леса приобретает особое значение в определении мифологемы природного ряда. Традиционно Лес в национальной культуре – магическое место с волшебными силами, обитающими там. Для того чтобы войти в волшебный лес, нужно, чтобы человек был сильным, стойким, бесстрашным, сильным [1, с. 5]. Часто именно лес становится местом инициации героя, «именно здесь начинаются его приключения. Лес [...] дремучий, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный. Лес, с одной стороны, отражает воспоминание как о месте, где проводился обряд, с другой стороны – как о входе в царство мертвых» [2, с. 40]. Лес является одним из мифологизированных объектов природы, имеющих двойственную природу: чужой, неосвоенной, опасная территория; объект обожествления и поклонения у многих тюркских народов, по поверьям которых у каждого леса есть свой хозяин, дух, покровитель (Урман хужасы, Шурале и др.).

Хронотопический образ Леса в татарской литературе нашел свое широкое отражение в творчестве многих авторов: с его помощью выражаются мечты и стремления героев, отражается их психологическое состояние, он является местом их испытаний, инициации. Так, сюжет романа Г. Гильманова «Албастылар» основан на фольклорном приеме троекратного повторения одного действия – троекратного «вхождения» героя в лес, символизирующего этапы духовного развития героя. В произведении Ф. Гильми «Когда восходит солнце...» Лес представлен как пространство и причина страха людей, так и источник даров и подарков: «кого лес больше любит, того и одаривает щедрее». Однако интересно, что чуть позже данные дары

присваиваются Аллаху (Богу), а отношение к ним должно быть уважительное и внимательное: «Если сейчас такое богатство бросим, Аллах не простит» (пер. Г. Хасановой) [3, с. 10].

В рассказе Р. Зайдуллы «Домовой» лес приобретает мистическую и таинственную символику, проезжающему мимо леса герою «казалось, что из глубины чащи за ним наблюдают сотни шурале. [...] Сквозь редкие деревья время от времени доносился чуть слышный жалобный голос Хозяина [Леса]» [3, с. 140]. В другом рассказе автора отмечается, что «у леса своя магия! Он словно втянул их в себя, и они даже не заметили, что забрели далеко в чащу» [4, с. 366]. Марийские леса – пространство произведения «Злые духи» («Албастылар») Г. Гильманова, прорезывающиеся длинной каменной дорогой, они символизируют «изломанный путь». С лесом в произведении также связана жизнь двух деревьев, героя произведения, Халима и украденной колдуньями девушки Майи [1, с. 123].

Лес, его обитатели, объекты и, в первую очередь, хозяин (дух) леса занимает особое место в жизни главной героини произведения А. Хасанова «Тайна старого дуба» – Нагимы апы, которая по слухам дружила с духом леса, а сама говорила: «...лес для меня – это рай. Пока глаза видят, а ноги ходят, я буду туда ходить, непременно буду!». Неслучайно умирает главная героиня в лесу: «лежала под могучим дубом с раскатистой кроной, вся вытянувшись и устремив свои потухшие глаза в голубое небо» [3, с. 45].

Как отмечает Л. Х. Давлетшина, «лес становится местом концентрации добрых сил и единственным способом сохранения человечества от бездны безразличия и зла друг к другу», именно

там происходит «окультуривание Хаоса» и, как следствие – «создание Космоса, вначале воспринимающегося как самоопределение героя, но организовав свой микрокосмос, герой способен реорганизовать действительность» [5, с. 140].

Мифологическое пространство Леса неразрывно связано с образами обитающих там духов и хозяев (Хозяева Леса, Духи Леса), которые в фольклорных представлениях являются в различных обликах: человеческом (обычного человека, седобородого старца, великана) или животном. Отмечается также особая связь Хозяина леса с охотниками, действия которых в лесу регламентированы и направлены на умиловивление Духа, не наносящего обычно вреда человеку без причины. Тюркский образ Хозяина леса, близкий к божествам-покровителям, отличается от аналогичных образов славянских народов, у которых они выступают как воплощение леса, как враждебная часть неизведанного пространства.

Тесная связь мифических персонажей с миром людей отмечается Г. И. Нуреевой и Л. И. Мингазовой в произведениях-пьесах Г. Гильманова для детей («Баба-яга – моя бабушка» («Убырлы карчык – эбием»), «Серебряный гребень» («Көмеш тарак»), «Баба-яга, Шурале и Гелюса» («Убырлы карчык, Шүрәле һәм Гөлүсә»), «В царстве конфет» («Кәнфитләр патшалыгында»), «Как зовут Шурале?» («Шүрәләләр ни атлы?»), в которых они «претерпевают трансформацию: представленные в качестве отрицательных героев [...] таковыми являются исключительно по вине людей и благодаря им же, по сюжету сказок автора, вновь возвращаются к своей доброй сущности» [6, с. 68].

Довольно подробно описан образ Хозяина леса в упомянутом произведении Ф. Гильми «Когда восходит солнце...»: «Он был чуть выше отца, большеголовый. Под низким лбом глубоко сидели красноватые глаза, которые следили за

мною внимательно и с интересом, нос у него был маленький, зато рот широкий и большой, переходящий в скошенный подбородок. Существо имело толстую шею, выпуклую грудь и – самое примечательное в его облике – длинные сильные руки, бурые по локоть. У нас в деревне была бурая корова. Так вот, “одежда” Хозяина леса, за исключением лица, состояла из шерсти именно такого цвета [...] его бег напоминал скольжение серой тени по деревьям» (пер. Г. Хасановой) [3, с. 11–16]. По мнению героев, Хозяину леса нужны были не богатства и поклажа, а люди, человек.

Знаменательно в данном контексте, что мифологические образы находят свое отражение и в татарской русскоязычной литературе. Так, писатель Ш. Идиатуллин, несмотря на «современность» изображаемых в дилогии «Убыр» [7, с. 508] событий и, на первый взгляд, поверхностное обращение к мифологическим образам, достаточно детально и ясно описывает взаимоотношения между различными видами мифических существ: убыр, албасты, леший, болотный хозяин, шурале, су-анасы и др. («Считается, что нечисть друг с другом не особо дружит»), и отношение людей к ним («Мои предки не выслеживали нечисть. Они знали, как обходить ее стороной, но предпочитали не ссориться. И вообще никак не контактировать даже с относительно безобидными хозяевами – ну, про них все народы знают: водяные всякие, лешие, болотные и так далее» [7, с. 316]). Отголоски языческих верований в духов различных пространственных объектов (кладбища, околицы, сени, бани, хлева, ворот, околицы) и основанных на них суеверий татарского народа находят отражение в русскоязычном романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2016), в котором автор уточняет: «Угодить духу – дело простое. Знать надо, какой дух что любит. Живущая в сенях бичура, к примеру, – неприхотлива. Выставишь ей пару

немытых тарелок с остатками каши или супа – она слижет ночью, и довольна. Банная бичура – покапризнее, ей орехи или семечки подавай. Дух хлева любит мучное, дух ворот – толченую яичную скорлупу. А вот дух околицы – сладкое. *Так мама учила*» [8, с. 25]. В произведении таким образом определяются передающиеся от поколения к поколению традиции уважительного отношения к сохранившимся отголоскам дорелигиозных верований.

Близким образу Хозяина Леса в народной культуре представляется мифологический образ Шурале, определяемый антропоморфным существом с рогом на лбу, часто имеющим длинные пальцы, занимает значительное место в системе дорелигиозных верований татарских народов и находит отражение в фольклоре (к примеру, в сказках «Деревня, проклятая Шурале», «Дровосек и Шурале» (пер. Л. Замалетдиновой), «Убыр-Таз» (пер. Р. Шагеевой)) [9, с. 281, 299] и литературе. Считалось, что в одном лесу может жить несколько Шурале, которые сбивают с пути, заводят в чащу, могут защекотать своими длинными пальцами (обычно их три) до смерти. Шурале боятся воды: считалось, что спастись от него можно было, перескочив ручей. Близкий образам Лошолича в цыганской, Хульдры – в скандинавской мифологии, татарские Шурале, по сведениям Я. Коблова, «показываются людям большей частью весной и летом во время восхода и захода солнца. При встрече с человеком Шурале называется по имени, иногда притворяется сбившимся в лесу с дороги и просит помощи. Иногда плачет, а иногда весело разговаривает и смеется, так что кого угодно может расположить в свою пользу...» [10, с. 68].

Образ Шурале представляется в виде огромного роста человекообразного существа, живущего в лесу, с длинными косматыми волосами, длинными медными когтями, большими обвисшими грудями, пятками, вывернутыми вперед,

дыркой под мышкой, длинными тонкими пальцами, которыми он может защекотать одинокого путника в лесу, довести до изнеможения и смерти. По преданию, Шурале боится воды, и спастись от него можно, перейдя через ручей или речку, также средством защиты и отпугивания называется огонь. Этот образ низшей мифологии, персонифицирующий духа леса, в легендах и преданиях вызывает двойственное отношение: с одной стороны, признавая его как духа леса, люди относятся к нему с почтением, приветствуют, приносят гостинцы, с другой, отмечается также различного рода конфликты с ним [6].

Самой известной обработкой фольклорного образа Шурале в татарской литературе является одноименная поэма [11], написанная великим Габдуллой Тукаем в 1907 г. По словам самого поэта, эту поэму он написал под влиянием классиков русской литературы, которые при создании таких поэм пользовались народными сказками, кроме того, основоположник реалистической татарской литературы обращался к фольклорным мотивам в освобождении от арабо-персидских заимствований и приближении к живому языку народа.

Говоря об этом самом известном образце в татарской литературе к данному образу, необходимо отметить, что творческое наследие писателя и поэма «Шурале», ставшая хрестоматийным произведением в изучении фольклорных мотивов в татарской литературе, логично стали объектом глубокого и разностороннего изучения. Исследователи анализируют различные аспекты: *жизнь и творческое наследие поэта* (М. Магдеев, Р. Мустафин, Р. А. Абузяров, З. И. Туаева, С. Хаким, Р. Г. Нугманов); *взаимосвязи с русской культуры в развитии татарской литературы* (М. Х. Гайнуллин, М. Скороходов, Р. М. Хусаинова); *переводы произведений автора* (В. Думаева-Валиева, В. Ганиева, Р. Бухараева, В. Тушновой, А. А. Ахматовой,

М. Рафикова, Р. З. Хайруллин); *традиций Тукая в татарской литературе* (Г. И. Нуреева, Л. И. Мингазова, Г. И. Фазылзянова, А. Н. Погорелова, А. В. Камитова, Ф. Ф. Хасанова, О. В. Арзямова); *методологии* (А. Х. Ашрапова, Л. Х. Шаяхметова, Л. Р. Мухаметзянова, Г. И. Шайхутдинова, Л. Ю. Каконашвили).

Традиция обращения к фольклорным мифологическим образам в общем и Шурале в частности находит отражение в современной татарской прозе. Авторы часто используют этот образ в характеристике героев произведения (главный герой рассказа З. Хуснияр «Рассеянный», изображаемый то ли сумасшедшим, то ли потерявшим память, смеялся «громовым хохотом [...] так, словно его щекотал Шурале» [3, с. 183]; в рассказе В. Имамова «Японский татарин» громкий рев, громкий звук характеризуется: «почище крика Шурале, у которого прищемили пальцы» [3, с. 216]). Сказку о Шурале («Он похож на человека, очень тонкий и нагой, // Узкий лоб украшен рогом в палец наш величиной...» [12, с. 220]) рассказывает перед сном мама герою рассказа Р. Зайдуллы «Сабантуй», позже сказочный герой снится мальчику, который хочет быть главным батыром на сабантуе. Во сне в разговоре с Шурале мальчик утверждает, что хочет попасть в страну батыров, где жили его предки, а прадеда Арслана звали Былтыр («в году минувшем») – прямой отсыл к сюжету тукаевской поэмы.

В обращении к фольклорному образу духа леса, в рассказе «Шурале» (1998) Р. Зайдуллы изображается фантастическая картина жизни мифологического существа в современной деревне и поднимается острая проблема современности – алкоголизм. Автор изображает существо, «нечто непонятное волосатое – то ли человек, что ли черт» [3, с. 178], пойманное деревенскими жителями и посаженное в клетку. Позже оставшийся жить в деревне Шурале с первого употребления алкоголя «сильно

изменился, стал походить на нас [деревенских мужиков] и, куда бы мы ни шли, ни на шаг от нас не отставал. А куда мы ходим – ясное дело, в заботах все о том же – как бы сообразить на троих». После этого, назначенный сторожем на огороде, Шурале «сидит там в ожидании нас и целый день дрожит. А увидит бутылку, так чуть не на четвереньки становится, бедняга, даже жалко смотреть. Ведь не приобщись он тогда к нам [к алкоголю], сейчас бы как сыр в масле катался». В произведении таким образом обозначенное сравнение по сути мифологического персонажа с современными жителями деревни приводит автора к выводу о том, что это зло [алкоголизм] может сделать любое мифологическое существо похожим на «самого обыкновенного человека вроде нас» [3, с. 180–181].

К данному образу писатель Р. Зайдулла обращается и в рассказе «Домовой», поднимая вопросы соотношения древних верований народа с Исламом: главный герой рассказа – мастер, делающий небольшие деревянные статуэтки «хранителей спокойствия в доме» [3, с. 147], изображающие домовых, шурале, водяных и т. д. Они запрещены каноническим исламом: «...мол, художник отвергает ислам и призывает к язычеству. Он тогда пытался утешить себя тем, что язычество – тоже история народа. Некоторые его пережитки, переплетаясь с исламом, дошли до наших дней. Тогда надо и Тукая упрекнуть в том, что он написал “Водяную”...» [3, с. 151].

Обращение к мифологическому хронотопу образа Леса и связанным с его таинственным пространством существами, наиболее частотным из которых является Шурале, выявляется в татарском фольклоре, литературе, современной татарской литературе как на татарском (З. Хуснияр, В. Имамов, Р. Зайдулла), так и на русском языке (Ш. Идиатуллин, Г. Яхина). Если в поэме Г. Тукая, написанной более века назад, автор под влиянием русских классиков обращается к

фольклору, приближая своих героев к национальным представлениям, то в произведениях конца XX – начала XXI в. фольклорные образы не только важны для отображения мифологии татарского народа, национальной культуры и древних верований, с помощью этих образов ставятся и раскрываются острые проблемы современности (соотношение мифологии и религии, алкоголизм, распутство и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гыйльманов Галимжан. Албастылар: Хыялы кыйсса. Казан: Татар. кит. нәшр, 2003.
2. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
3. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. книж. изд-во. 2006. 302 с.
4. Зайдулла Р. Р. Старик в белой епанче (пер. Г. Хасановой) // Зайдулла Р. Р. Меч Тенгри: рассказы, повести, эссе, заметки / [пер. с татар.; авт. предисл. А. Мушинский]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016.
5. Давлетшина Л. Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI вв. Казань, 2006.
6. Нуреева Г. И., Мингазова Л. И. Трансформация фольклорных героев и мотивов в драматургический сюжет в пьесах Галимзяна Гильманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 68–72.
7. Идиатуллин Ш. Убыр: Дилогия: романы. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 605 с.
8. Яхина Гузель. Зулехя открывает глаза: [роман] / предисл. Л. Улицкой. М.: Изд-во АСТ, 2016. 508 с.
9. Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 3: Бытовые сказки. Казань: Магариф, 2009.
10. Татар мифлары – балаларга = Татарская мифология для детей / [авт.-төз. Г. Гыйльманов]. Казань: Татар. кит. нәшр., 2008. 95 с.
11. Тукай Г. Шурале. URL: <https://www.culture.ru/poems/23834/shurale> (дата обращения: 19.12.2020).
12. Зайдулла Р. Сабантуй // Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 334 с. С. 220–226.
13. Камитова А. В. Произведения Габдуллы Тукая в интерпретации Гая Сабитова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 2. С. 242–250.
14. Гыйльманов Г. Албастылар // Казан утлары. 2001. № 1. С. 123. (Подстрочный перевод Ю. Г. Нигматуллиной).

REFERENCES

1. Galiman Gylmanov. *Avascular: Healy cysa*. Kazan: Tatar. kit. Nasr, 2003.
2. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki*. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.
3. Poludennyu zakat: Sovremennaya proza tatarskikh pisateley. Transl. with Tatar by G. Khasanova. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo. 2006. 302 p.
4. Zaydulla R. R. Starik v beloy epanche (transl. by G. Khasanova). In: Zaydulla R. R. *Mech Tengri: rassказы, povesti, esse, zametki*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2016.
5. Davletshina L. Kh. *Mifologizm v tatarskoy proze kontsa XX – nachala XXI vv*. Kazan, 2006.
6. Nureeva G. I., Mingazova L. I. Transformatsiya folklornykh geroev i motivov v dramaturgicheskiy syuzhet v pyesakh Galimzyana Gilmanova. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020, No. 7, pp. 68–72.
7. Idiattullin Sh. *Ubyr: Dilogiya: romany*. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018. 605 p.
8. Yakhina Guzel. *Zuleykha otkryvaet glaza: [roman]*. Preface by L. Ulitskaya. Moscow: Izd-vo AST, 2016. 508 p.
9. Tatar folk art: in 15 vols. Vol. 3. Household tales. Kazan: Magarif, 2009.

10. Tatar miflary-balalarga = Tatar mythology for children / [author-toz. G. Gylmanov]. Kazan: Tatar. kit. nasr., 2008.
11. Tukai G. Shurale. Available at: <https://www.culture.ru/poems/23834/shurale> (accessed: 19.12.2020).
12. Zaydulla R. Sabantuy. In: *Proza tatarskikh pisateley. S vostoka svet: povest, rasskazy, esse*. Transl. with Tatar G. Khasanova. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2019. 334 p. Pp. 220–226.
13. Kamitova A. V. Proizvedeniya Gabdully Tukaya v interpretatsii Gaya Sabitova. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. 2014, No. 2, pp. 242–250.
14. Gylmanov G. Avascular. *Kazan Utlary*. 2001, No. 1, p. 123. (Subscript translation by Yu. G. Nigmatullina).

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Sharyafetdinov Ramil Kh., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Moscow Pedagogical State University

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 12.01.2021

The article was received on 12.01.2021